

УДК 101.1

doi: 10.25730/VSU.7606.18.038

## Советские историки философии и ценности их практики в ракурсе философско-эстетического «течения» 1930-х гг.\*

А. С. Лагурев

аспирант института философии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Россия, г. Санкт-Петербург.

ORCID: 0000-0002-8402-0337. E-mail: allag26@mail.ru

**Аннотация:** статья посвящена исследованию ценностной оценки статуса историка философии и историко-философской практики в советской философской традиции, а именно – анализу различных трактовок ценностных характеристик историко-философской работы. Обращение к пониманию ценностной ориентации, сложившемуся в круге художественно-эстетического «течения», делает возможным по-новому взглянуть на официальную и неофициальную версии советской истории философии и ценности ее практики. Характеристика специфики каждой – как официальной, так и неофициальной – линии вскрывает фундаментальные различия в трактовке понятия ценностной ориентации, коренящиеся в различиях в определении понятия ценности. В истории советской истории философии это расхождение уходит своими корнями в 1930-е гг. Так, понятие ценности в контексте историко-философской практики, которого придерживалась официальная линия, сформированное, скорее, в рамках продолжения теоретических разработок 1920-х гг., обнаруживает парадоксальное единство с определенной частью неофициальной линии, главным образом философов-шестидесятников, чья концепция, также испытав влияние досталинской истории философии, вместе с тем развивалась во взаимодействии с западно-ориентированной мыслью второй половины XX в. Вместе с тем другая часть неофициальной линии, представленная исследователями круга художественно-эстетического «течения», сформировала совершенно новую, оригинальную концепцию историко-философской практики, не имеющую действительных аналогов ни в советской, ни в западной мысли того периода. Обращение к исследованию ценностной оценки статуса историка философии в СССР через рассмотрение двух полярных, противоположных ориентаций позволяет не только полнее раскрыть феномен советской истории философии, но и попытаться под иным углом взглянуть на ценности историко-философской работы нашего времени.

**Ключевые слова:** история философии, историко-философская практика, советская философия, ценности, марксизм.

Советская философская традиция и ее история являются предметом, крайне жестко сопротивляющимся любым слишком широким обобщениям. Корни этого сопротивления, пожалуй, лежат в самом материале, из которого еще и сегодня продолжает ткаться эта удивительная история. Действительно, для того чтобы написать портрет этого явления, нам в первую очередь необходимо развить в себе чрезвычайную степень восприимчивости, способность уловить подчас даже чисто подземные, как бы ноуменальные моменты его жизни. Эта необходимость проистекает из очень сложного отношения двух миров – мира официальной философской жизни, тесно связанной с общей идеологической жизнью Советского Союза, и мира мысли в более широком смысле слова.

Достаточно характерно, что даже сегодня, спустя почти три десятилетия с момента окончания советского периода в истории России, мы продолжаем по-настоящему открывать для себя феномен советской философии. И речь идет отнюдь не о каких-то частностях или оттенках, не о внимании к фигурам второго ряда и далее: нет, мы находимся именно в той точке, когда главные открытия в истории советской философии находятся все еще впереди – нам еще только предстоит узнать и осмыслить подлинный масштаб этого явления, как и подлинный масштаб тех достижений, с которыми связана эта традиция.

Конечно, вполне естественно, что в рамках этого процесса точками сосредоточения интереса выступают в первую очередь фигуры тех или иных мыслителей. Будь то А. Ф. Лосев, В. Ф. Асмус или Э. В. Ильенков – наиболее интересные исследования советской философии как явления как бы проходят сквозь эти индивидуальные ворота. Так, например, в литературе, связанной с именем Э. В. Ильенкова, одно из центральных мест занимает именно попытка понять феномен совет-

---

© Лагурев А. С., 2018

\* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии»).

ской философии, в связи с чем можно вспомнить различные сборники [9], монографии [18], а также, конечно, материалы конференций<sup>1</sup>. То же самое мы можем встретить и в случаях других крупных фигур советского периода<sup>2</sup>. Нельзя не отметить и создание целой серии сборников исследований под грифом ИФ РАН, посвященной философии России второй половины XX в., в которой вышло множество разнообразных исследований феномена советской философии<sup>3</sup>.

Тема советской истории философии занимает важное место в совокупности этих исследований, поскольку большинство крупных имен в советской философии, так или иначе, соприкасалось с историко-философской работой. Впрочем, говорить о полномасштабной картине ценностей практики советских историков философии еще крайне преждевременно. Более того, относительно некоторых феноменов в истории советской философии мы почти не имеем специальных исследований по этому вопросу<sup>4</sup>: Мих. Лифшиц и философско-эстетическое «течение» 1930-х гг. принадлежит к их числу.

Творческое наследие Мих. Лифшица и «течения» представляет собой, пожалуй, наиболее интересную страницу в истории советской философии. Сегодня благодаря активной архивной работе – прежде всего в архиве Мих. Лифшица в РАН – мы впервые получаем возможность увидеть невидимую ранее сторону этого философского направления, которая в разы превосходит все опубликованное при жизни непосредственных участников «течения». Тем самым, старые и, казалось бы, хорошо известные работы раскрываются перед нами в свете архивных материалов с совершенно новой стороны. Это новое звучание особенно отчетливо ощущается при соприкосновении с историко-философскими работами Мих. Лифшица и «течения».

В известном смысле можно сказать, что многие из этих трудов по истории философии обретают свой голос только сегодня. То, что раньше, при поверхностном взгляде, представлялось работами, ограничивающимися той или иной сферой, например эстетики или философии культуры, теперь являет нам и другие свои стороны: в этих произведениях мы видим и политическую философию, и этику, и онтологию, и теорию познания, и, конечно, философию истории и историю философии.

Конечно, специальные историко-философские труды Мих. Лифшица или Г. Лукача хорошо известны<sup>5</sup>, однако сегодня мы можем полнее прочесть и произведения других участников «течения», например работы В. Р. Гриба о Лессинге [7] и Бальзаке [8], статьи Ю. А. Спасского, например его работу о Дидро [20], работы примыкавших к «течению» И. А. Ильина, Ф. П. Шиллера, Г. М. Фридлендера и др. Вместе с литературоведческими и критическими работами Е. Ф. Усиевич, И. А. Саца, В. Б. Александрова все эти труды складываются в историю философии особого рода, совершенно не похожую ни на историко-философские направления 20-х, ни на официозную философию сталинского и послесталинского времени, ни на более «либеральные», «антидогматические» и т. п. «неортодоксальные» ее варианты послевоенного периода.

Дать целостную картину этого крупнейшего явления в истории советской философии представляет собой чрезвычайно важную задачу, и в связи с этим необходимо отметить, прежде всего, деятельность В. Г. Арсланова, ученика Мих. Лифшица, хранителя его творческого наследия и многолетнего руководителя всей архивной и научной работы, связанной с Мих. Лифшицем и участниками «течения»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> См. материалы регулярных Ильенковских чтений.

<sup>2</sup> В последние годы чрезвычайно активно публикуются материалы и исследования, связанные также с фигурами вроде М. К. Мамардашвили или В. В. Бибихина.

<sup>3</sup> В этой серии вышли исследования, посвященные А. Ф. Лосеву, М. М. Бахтину, В. Ф. Асмусу, С. Л. Рубинштейну, Б. М. Кедрову, Э. В. Ильенкову, А. А. Зиновьеву, М. К. Мамардашвили, И. Т. Фролову, П. В. Копнину, В. С. Библеру, Г. П. Щедровицку, М. А. Лифшицу, Г. С. Батищеву, В. А. Смирнову, Э. Г. Юдину, Ю. М. Лотману, Л. Н. Митрохину и др.

<sup>4</sup> Здесь необходимо подчеркнуть, что практически единственной литературой по этой теме являются фундаментальные исследования В. Г. Арсланова, о которых будет сказано дальше.

<sup>5</sup> Достаточно вспомнить хотя бы раннюю книгу Лифшица о Марксе или книгу Лукача о молодом Гегеле: оба эти произведения оказали огромное влияние на специальные историко-философские исследования не только в Советском Союзе. Не стоит забывать также статьи Лифшица о Гегеле, Вико, Дидро, Лессинге, Винкельмане, Белинском, Добролюбова, Чернышевском, Энгельсе и других классиках мировой философии, как и работы Лукача, посвященные истории современной западной философии.

<sup>6</sup> См., напр., сборник «Мих. Лифшиц» под ред. В. Г. Арсланова [21], куда вошли работы Л. К. Науменко, С. Н. и Н. С. Мареевых, П. В. Павлова и др., его книгу «Сущее и Ничто» [1], пятитомник по теории и истории искусствознания [2–6], где тема Мих. Лифшица и «течения» является одной из центральных, а также его многочисленные предисловия и послесловия к изданным им за последние 18 лет книгам Мих. Лифшица.

Благодаря этим фундаментальным для изучения всего философского наследия Мих. Лифшица работам сегодня мы имеем возможность не только по-новому взглянуть на это важнейшее направление в советской философии, но и попытаться – на их основе – затронуть более частные темы, такие как, например, тема ценностей историко-философской практики Мих. Лифшица и участников «течения», позволяющая нам лучше понять и более общую, ценностную оценку статуса историка философии в СССР.

Итак, слово «ценность» вошло в историю философии уже довольно давно, особую популярность оно получило в связи с неокантианским движением второй половины XIX – начала XX в., и потому, несмотря на все последующие «приключения идей», достаточно необычно может звучать мысль о том, что ценность может обладать самостоятельным бытием, выходящим за пределы даже мира коллективной субъективности.

Но именно так понимало ценности «течение», которое, как писал Мих. Лифшиц, в своей поздней, незавершенной работе «Диалог с Эвальдом Ильенковым», «выдвинуло на первый план то, что теперь принято называть ценностной ориентацией, с той разницей, – подчеркивал Лифшиц – что литература “течения” не отделяла так называемые ценности от объективной истины, понимая под истиной не формальный концепт человеческой головы, а реальное содержание самой действительности» [12, с. 99]. Но как же соотносятся между собой различные подходы к понятию ценности – и соотносятся ли вообще?

Реальное содержание самой действительности. Уже это, на первый взгляд, вполне загадочное сочетание слов может пониматься совершенно по-разному в зависимости от того, что на языке современной истории философии называется набором ценностей. Пожалуй, обладая всей мощью аппарата социологической мысли, современный ученый без труда проведет сравнительное исследование ценностных ориентаций абсолютно любых фигур в истории философии. В конце концов, сама социология знания в ее еще мангеймовском варианте дала классический пример такого анализа социальной обусловленности сознания, когда трансцендирующие ценности утопии сталкиваются с консервативными ценностями идеологии. Несмотря на бесчисленное количество вариаций, эта схема остается неизменной – ценности, те самые ценности, которых придерживаются, которые разделяют, которые сознают или не сознают, на которые ориентируются и которые предстают опытному глазу исследователя, историка или социолога мысли, оказываются не чем иным как своего рода культурными знаками, социальными эмблемами, лишь сигнализирующими нам о принадлежности той или иной мыслительной организации к той или иной социальной группе, классу, течению, к той или иной культуре, к тому или иному дискурсу, эпистеме и т. д. и т. п.

Отсюда следует, что никакого универсального реального содержания самой действительности и вовсе не существует, а существует лишь бесконечное число равноправных формальных ценностных структур, занимающихся бесконечным самоописанием. Разве не стало для нас – прошедших через школу Фуко или Хайдеггера – общим местом положение, что вполне может существовать действительность, оставляющая место реального содержания вакантным? Разве не можем мы предположить структуру реальности без действительного содержания? Методологически, подобные допущения открывают безграничное поле исследования истории философии, которая, впрочем, будет иметь больше общего с фабричным производством, чем с научной работой. Выходит, само определение понятия ценности есть не более чем ценность в сознании, замкнутом конечными условиями структуры.

В известном смысле можно сказать, что именно этот порочный круг модернистского сознания и стал когда-то, во второй половине 1920-х гг., отправной точкой для молодого Мих. Лифшица и его друзей. Раннесоветские философские школы, пребывавшие в состоянии перманентной теоретической войны, давали богатую панораму всевозможных оттенков подобного понимания ценностей. Грозные столкновения на философском фронте продолжались долгие годы: «механисты» и «диалектики» успели превратиться в «физических идеалистов» и идеалистов «меньшевиствующих», Гегель – проделать путь от непосредственного предшественника Маркса до идеолога аристократической реакции на Французскую революцию. Многое менялось в официальной советской истории философии, но по сути неизменным оставалось понимание того, чем являются ценности, приятие или отвержение которых могло сыграть роковую роль в судьбе не только живущих, но и давно умерших.

Будь то формальный экзамен на знание материализма и диалектики, который обычно проводили философы школы Деборина, или же строгая политическая проверка на близость мировоззрению пролетариата, которая являлась излюбленной процедурой их более

левых и политически более активных оппонентов, – ценности, о которых могла говорить, на которые ориентировалась история философии, оставались все теми же, по сути, субъективными или intersubъективными, эмблематическими ценностями социологии знания. Более поздняя, «оттепельная» и последующая, советская история философии<sup>7</sup>, испытывавшая серьезное влияние западной мысли, но в то же время и находившаяся в тисках «ортодоксии» советского диамата, сумела привнести в этот вопрос лишь оттенки, часто представлявшие собой только менее последовательный вариант идей времен *ancien régime* (тем более, что именно в этот период многие реликты 20-х гг., вроде М. М. Бахтина, сумели пережить свой философский Ренессанс в среде более либерально настроенных исследователей, а некоторые реликты 40–50-х гг., вроде Т. И. Ойзермана, – превратиться в отечественных «классиков»).

Еще в 1930-е гг. в ходе полемики с вульгарной социологией Мих. Лифшиц заметил, что там, где вульгарный социолог, сумевший вскрыть социально-классовые корни той или иной идеи, сведя ее к ограниченному кругу условий, оканчивает свой анализ, – действительный, марксистский, анализ лишь только начинается. *Mutatis mutandis* – это замечание применимо и к вопросу о ценностях. Конечно, обнаружив, к примеру, что Гегель разделял определенный набор ценностей, мы можем зачислить его в разряд идеологов прусского абсолютистского государства. Применив еще более тонкие инструменты, мы можем вскрыть даже те, имплицитно содержащиеся в его философии ценности, о которых он сам, быть может, не имел понятия. Однако ни то, ни другое, согласно взгляду Мих. Лифшица и «течения», не отменяет вопроса о содержании этих ценностей, а значит, и об их отношении к другим ценностям: почему он притерживался одних и отклонял другие?

Ответить на этот вопрос, следуя логике историко-философских работ Лифшица, невозможно без уяснения взаимоотношения, в котором находятся ценности как часть мировоззрения того или иного мыслителя и ценности как часть объективной истины, «реального содержания самой действительности».

Итак, заключая, что нечто имеет ценность, обыкновенно подразумевается, что ценность эта существует для кого-то. Это верное утверждение, однако, требует определенного дополнения: для того чтобы вступить в отношение с кем-то, предмету необходимо находиться в определенном отношении к самому себе. Чтобы стать ценным для кого-то, необходимо обладать какой-то ценностью, пусть даже и лишь «в-себе». Следовательно, согласно теории отражения, развиваемой Мих. Лифшицем вслед за Лениным и Марксом<sup>8</sup>, всякая субъективная система ценностей с необходимостью должна иметь нечто соответствующее ей в самой действительности – своего рода прообраз, требующий для своего выражения сознание человека, то реальное содержание, голосом которого она выступает.

Таким образом, при всем своем многообразии, ценности, понятые как часть мировоззрения, так или иначе, имеют общий источник – объективную действительность, отражением которой они являются. Однако, действительность, бесконечно живая ткань мира, неоднородна – она включает в себе великое многообразие оттенков и тенденций, пронизывающих ее на всех уровнях организации, начиная элементарной материей и заканчивая всемирной драмой человеческой истории. Именно из этой внутренней, объективной дифференциации, отражающейся и на нашей, субъективной дифференциации, проистекает все богатство существующих ценностей. Каждая из них есть отражение определенного штриха, определенного момента в развитии бытия на пути к его полноте, а значит – к истине, ведь истина, как писал Ленин, всегда конкретна.

Но если есть полнота, если есть конкретное, тождественное на философском языке истинному, значит, должно существовать и абстрактное, ложное, неполное, распадающееся в себе самом. Тем самым, мы сталкиваемся не просто с онтологическим многообразием штрихов и оттенков (подобных многообразию социальных прослоек или дискурсивных пространств), но с качественно неоднородным многообразием, допускающим разделение на истину и ложь. Эта принципиальная дифференциация не может не затрагивать и область ценностей. Являются ли они голосом полноты, рождающегося объективного смысла мира, природы и человека, или лишь осколком, механическим результатом столкновения стихий-

<sup>7</sup> Важное исключение здесь составляют историко-философские работы Э. В. Ильенкова, в известном смысле продолжавшего линию Мих. Лифшица и «течения».

<sup>8</sup> Подробнее об этом см. Мих. Лифшиц «Диалог с Эвальдом Ильенковым» [12], а также Мих. Лифшиц «Что такое классика?» [17].

ных сил? Несмотря на все диалектические переходы, на все парадоксы, на все сложности, обходные пути, победы и поражения, четкая грань между истиной и ложью, между положительным и отрицательным, между добром и злом сохраняется, как сохраняется доступность этой грани человеческому сознанию.

Благодаря этому мы и можем говорить о том, что существуют ценности, отразившие истинные тенденции времени, и ценности, запечатлевшие лишь реальные абстракции, порожденные отчужденным миром человеческой культуры. Естественно, в данном случае речь не идет о том, чтобы создать пантеон хороших ценностей, вечно противостоящих ценностям плохим: не только сама бесконечно развивающаяся объективная реальность имеет свою историю, но и ее отражение в мире человеческой культуры также исторично. В этом смысле, для Мих. Лифшица и «течения» ценности, неотделимые от объективной истины, от «реального содержания самой действительности» точно так же неотделимы и от истории становления этой истины. Здесь ясно проглядывает другая характерная особенность ценностной ориентации «течения», а именно – тесная связь истории философии (и культуры вообще) с философией истории.

В своей статье о Фридрихе Энгельсе Мих. Лифшиц заметил, что «история не совершается по ту сторону добра и зла», и «объективная диалектика вещей имеет свою идеальную линию, свою историческую норму» [10, с. 402]. Эта норма, так или иначе, раскрывается, прокладывает себе дорогу сквозь все зигзаги истории и вместе с ней перед нами разворачивается своего рода история абсолютных завоеваний нашего мира, его абсолютных ценностей: будь то прямохождение или открытие использования огня, античный эпос или первый опыт построения пролетарского государства, все эти объективные ценности имеют и свою субъективно-ценностную сторону, одно переходит в другое.

Итак, если ценности нашего мира – мира человеческой культуры – представляют собой исторически разворачивающееся отражение, выражение окружающей нас действительности в ее истине или лжи, то выходит, что «не мы мыслим и чувствуем объективную реальность – она мыслит и чувствует себя нами» [15, с. 223]. И в этом смысле не так уж неправ был и сам Гегель, рисуя величественную панораму истории философии как истории самораскрытия Абсолютного духа, завершающейся его возвращением к самому себе на вершине философского развития. Означает ли это, что история философии, пусть и руками людей, но все равно как бы пишет себя сама? Для убежденного марксиста, а значит, материалиста Мих. Лифшица это утверждение, при всей его справедливости, также требует определенного дополнения: история философии, все же, пишется людьми. Она пишется людьми не только в смысле составления «Историй философии», но и, прежде всего, в смысле активного действия, когда слово, по известной формуле Ленина, тоже есть дело<sup>9</sup>.

Значит, мы имеем дело с противоречием, два полюса которого и составляют эти утверждения: история философии пишет себя сама, и вместе с тем ее пишут люди. Держась одной из этих крайностей, невозможно охватить предмет во всей его полноте: действительную жизнь противоречие обретает только в своем движении, охватывающем оба эти полюса и демонстрирующем нам различные возможности их синтеза на различной исторической основе. Раскрыть богатство этого движения и – самое важное – обнаружить его норму – вот задача, без решения которой история философии<sup>10</sup> не сможет ступить и шагу.

Конечно, сочетания этих крайностей могут быть различны. Бытие, сложившееся в определенную законченную и целостную структуру, которая обладает и своей особой силой выразительности, может отразиться, отпечататься в сознании человека, подобно травме, подавляя всякую сознательность, а может само, в свою очередь, пострадать от воли «пламенеющего субъекта», глухого ко всякому голосу объективного мира (по сути, обе эти позиции смыкаются и момент кажущегося превосходства человека над действительностью есть в действительности момент его наибольшего закрепощения в самой грубо-материальной, стихийной форме его проявления). Эти экстремальные варианты тождества, хоть и способны многое рассказать взору исследователя, все же могут рассматриваться лишь как симптомы, сигнализирующие об определенной сложившейся ситуации – для их верного понимания, однако,

<sup>9</sup> Тема «слово и дело» у Мих. Лифшица см. Лифшиц Мих. Читая Герцена // Мих. Лифшиц «Очерки русской культуры». М., 2015. С. 453–506.

<sup>10</sup> Естественно, Мих. Лифшиц не ограничивался вопросами истории философии и культуры вообще. См. его «теорию тождеств» в «Что такое классика?» [22], а также сборник РОСПЭН «Мих. Лифшиц» под ред. В. Г. Арсланова [21].

необходимо то самое понятие нормы исторического движения, синтеза этих противоречий: *verum est index sui et falsi*.

Возможность гармонического единства противоположностей в качестве нормы их исторического движения означает для истории философии прежде всего то, что хотя сознание даже наиболее выдающихся сынов рода человеческого может быть в любую минут подавлено массой окружающих его условий, хотя в своей горделивой самостоятельности оно способно оборачиваться добровольной (и не вполне) слепотой, мера сознательности все же существует и истина мира все же говорит с человеком на доступном ему языке, бытие нуждается в его голосе, а он нуждается в точке опоры. «Недостаточно, – как писал Маркс, – чтобы мысль стремилась к воплощению в действительность, сама действительность должна стремиться к мысли» [19, с. 423].

Что и каким путем обретет свой голос в идеях того или иного мыслителя? – вот вопрос. Сумеет ли его сознание стать, как писал Мих. Лифшиц, сознательным, примкнуть к бытию в точке его высшего развития, став зеркалом бытия, и отразить в нем его истину, полноту, нашедшую законченную форму в своего рода объективном зеркале<sup>11</sup>, и тем самым дать голос объективной ценности, позволить ей перейти и в ценность субъективную, войти в плоть и кровь своей философской системы, своего мировоззрения – или же он выразит лишь ложь времени о себе самом, лишь нечто случайное, распадающееся? Клиническая картина травмы времени, конечно, очень важна, но еще важнее адекватное сознание этой травмы как отправная точка на пути лечения.

В этом отношении существенна разница, которую мы можем обнаружить в сравнении модернистской и постмодернистской истории философии (и культуры вообще) с подходом Мих. Лифшица и «течения». Если для Лифшица ценность той или иной фигуры в истории философии в конечном счете обуславливаются масштабом и полнотой звучания тех объективных, онтологических ценностей, которые нашли свое адекватное, максимально полное, в рамках исторической ситуации времени, выражение, то для модернистской истории философии речь скорее идет об описании своего рода «типичных» ценностей дискурса или формации, класса, прослойки, культурного типа и т. п. псевдонимов ограниченной совокупности условий, позволяющих на их основании провести процедуру идентификации, классификации и характеристики. И здесь до известной степени парадоксально выглядит единство, которое мы можем обнаружить в подходах советских вульгарных социологов 1920–1930-х и чрезвычайно тонких мыслителей вроде Мишеля Фуко, с их уходом с магистральных путей мысли, с их страстью и интересом ко всему маргинальному, оставшемуся где-то на полях культуры и потому обладающему особой ценностью, как нечто, избежавшее репрессивного голоса первых имен века, его общих, фасадных истин.

Впрочем, эта тенденция также имеет свои права и также может многое рассказать нам о своем времени, но лишь как симптом. В конце концов, разве не отголоски потребности в идеальной, говорящей ситуации, в говорящем предмете, объективном зеркале звучат в этих поисках особой, неподвластной господствующему порядку дискурса и т. п. фигуре? «Еще Лафарг, – писал Мих. Лифшиц, – назвал истину, добро и красоту великими проститутками» [13, с. 250]. Из отвращения к злоупотреблениям этими понятиями растет и темная реакция на них. Но если вместо проклятой истины, из справедливого неприятия слишком прямых путей мысли, теория обращается к ее суррогату, мы имеем дело с ростом особого, модернистского, сознания, «нечистого разума», как называл его Мих. Лифшиц. Судьба этого «нечистого разума» и критика его также нашла свое выражение в литературе «течения» – в книге Г. Лукача «Разрушение разума»<sup>12</sup>, и этот же «нечистый разум» выступает предметом рассмотрения в многочисленных послевоенных памфлетах Лифшица.

История философии в духе «течения» продолжает линию философской классики и занимается, прежде всего, идеями, которые «не укладываются в школьные рамки» «правильного» и «неправильного», как не укладываются в рамки простого умения рисовать великие

<sup>11</sup> «Теория отражения, – писал Мих. Лифшиц, – предполагает два зеркала, из которых одно принадлежит самому объективному миру, является его собственной зеркальностью» [12, с. 189].

<sup>12</sup> Из письма Мих. Лифшица к Г. Лукачу и его жене: «*Die Zerstörung der Vernunft*» мне понравилась. Это, вероятно, и есть та «Критика нечистого разума», о которой мы когда-то беседовали с Юри» [22, с. 62]. Впрочем, необходимо отметить, что позиции Лифшица и Лукача все же не были вполне тождественны друг другу.

стили в искусстве, как не укладываются в область житейской практики и прагматически понимаемой целесообразности действия, исторические поступки выдающихся личностей и народных масс, поднявшихся, по известной терминологии Руссо, на уровень «всеобщей воли», которая, как известно, не совпадает с волей всех» [12, с. 172]. Идеи также способны подняться на определенный уровень, не являющийся результатом простой учености и вышколенности мышления – там, где мысль, примыкая к объективной реальности, становится «рупором объективных положений общественного бытия, более или менее сознательной формой его» [15, с. 223], в системе человеческой мысли рождаются своего рода кристаллы, отразившие не только вопреки – по известной формуле Лифшица 1930-х – но и благодаря своей исторической ограниченности и обусловленности нечто абсолютное и безусловное. Это и есть выдающиеся философские системы прошлого, гениальные интеллектуальные и практические открытия лучших умов человечества от досократиков до Ленина и до наших дней – объективные зеркала человеческой культуры<sup>13</sup>, «исповедь мира», по выражению Маркса<sup>14</sup>.

Истина мира говорит с нами – она нуждается в нашем голосе, ведь без человека, писал Лифшиц вслед за Герценом, природа не полна. Объективные ценности, абсолютные достижения бытия, отражаясь в историческом сознании человека, «отливаясь в не зависящую от нашего произвола объективную форму кристалла», приобретают и как бы особое звучание – превращаясь в ценности субъективные, входя в плоть и кровь человеческого мировоззрения, они не только изменяют форму своего существования, но и по-новому, полнее раскрываются: бытие, природа в полном согласии с мыслью молодого Маркса Парижских рукописей, очеловечивается. И здесь мы можем говорить не только о связи истории философии с философией истории, но и с этикой, и с социальной, политической философией в мировоззрении марксизма. Ведь истинная ценность, согласно Мих. Лифшицу, не может быть чем-либо иным, кроме как ценностью истины, – вот основная заповедь его истории философии, ее «ценностная ориентация». Истинная ценность есть ценность истины – научной, общественной, нравственной, художественной: все это есть лишь формы проявления единой истины бытия, безразличной к добру и злу.

Извлекая руду этого мира, обрабатывая ее, добывая эту истину бытия, всякая философская система, всякая культурная, идеальная человеческая величина обретает место в истории. И «если завтра, – писал Мих. Лифшиц, – или когда-нибудь в будущем произойдет мировая катастрофа, она все же не вычеркнет из того, что было в истории мироздания, ни красоты афинского Акрополя, ни “Логики” Гегеля, ни “Капитала” Маркса, ни поразительного сочетания философа и государственного деятеля в личности Ленина, ни вечной славы Октябрьской революции. Fuimus! – мы были» [14, с. 558]. Раскрыть всю полноту звучания этих абсолютных, объективных ценностей – вот подлинная задача для истории философии. И именно это завораживает нас, когда мы читаем историко-философские работы Мих. Лифшица: в них говорит не университетская ученость (хотя насыщенности содержанием и точности научного анализа здесь могут позавидовать и самые фанатичные приверженцы профессорской философии), не литературное тщеславие (хотя блеск стиля этих работ отмечали даже оппоненты), но та самая Марксова «исповедь мира», способная сказать каждому человеку нечто новое о нем самом, о его истории и о мире, где он живет, возвышающая его над слепым столкновением механических сил, изменяющая, переворачивающая его жизнь. Этим работам недостаточно было того, чтобы сказать что-то правильное в узком, малом, формальном смысле слова, им нужна была правда большая, правда общественная, ступенью, частью которой они должны были стать.

<sup>13</sup> «Человеческий дух, опираясь на объективное содержание реальности, способен создавать себе искусственные зеркала в виде статуй, картин и книг, но природа этой особой зеркальности не в том, что она есть продукт человеческого труда, а в том, что его общественные представления, как, впрочем, и личные, его духовная деятельность воспроизводят объективные эквиваленты, всеобщие формы отражения, сложившиеся в материальном процессе развития и природы и общества» [12, с. 264–265].

<sup>14</sup> В этом смысле очень интересно сравнить две близкие по содержанию работы Мих. Лифшица – «Диалог с Э. Ильенковым» и «Человек тридцатых годов», которые во многом идут по одному и тому же пути, дополняя изложение друг друга. Так, например, в статье «Человек тридцатых годов» Лифшиц пишет: «В теории исторического материализма идеи суть реальности *suī generis*, кристаллические образования, имеющие свою логику, свою жизнь, свой язык» [15, с. 223]. В «Диалоге с Э. Ильенковым» этому соответствует: «Но чем больше сознание поднимается над этим уровнем, в хорошем или дурном, оно отливается в не зависящую от нашего произвола объективную форму кристалла, имеющую свой закон, свою независимую формальную закономерность» [12, с. 172].

В 1967 г., отвечая на анкету «Методологического сборника» Института мировой литературы имени Горького, Мих. Лифшиц так сформулировал «главную проблему всех гуманитарных наук», а значит, и истории философии: «...объяснить человеку смысл его собственной, исторической и личной жизни. Это задача самопознания и вытекающей отсюда возможности контроля над самим собой», тем самым, «...даже в тех случаях, когда делать совершенно нечего, когда события фатально идут в известном направлении, как это было, например, в эпоху Римской империи, понимание того, что происходит с нами в жизни, ставит сознательного человека выше немыслимой стихии» [11, с. 150]. Вот то самое, общественное, даже этическое звучание ценностной ориентации «течения»: рост сознания и сплочения людей, превращения толпы в народ, способный бороться за новые более прозрачные общественные отношения, за более сознательный ход истории. В истории философии, как и в любом другом деле, нет ничего полезнее истины, истины, освобождающей человечество от тысячелетних пут классовой цивилизации, спасающей культуру и искусство, нравственность людей, возможность их личного и общественного развития на более свободной основе.

Тем самым история философии, какой видели ее Мих. Лифшиц и «течение», дает голос прошлому вселенной человеческой мысли, раскрывающейся во всей своей полноте лишь в настоящем и через настоящее. Гегель или Лессинг, Вико или Чернышевский – их великие философские симфонии обретают свое звучание лишь *post mortem*, подобно тому как свет давно угасших звезд долетает до нас сквозь пространство и время. Ведь «история знания предмета, – писал Мих. Лифшиц, – есть продолжение его собственной истории» [12, с. 74], есть своего рода посмертная история его постольку, поскольку он сохраняет «свое генетическое значение для более высоких ступеней развития» и вместе с тем сам все более раскрывает «свой действительный смысл в этом последующем бытии» [12, с. 79]. С каждым новым шагом по пути истории, с каждым новым сегодня, с каждой вновь обретенной почвой для вопрошания великие философские системы прошлого разворачиваются все полнее и полнее, не отменяя, однако, предшествующие абсолютные достижения, но выступая их продолжением и, вместе с тем, основой для всякого последующего шага.

Так чем же являются в этой перспективе ценности историко-философской практики? Согласно Мих. Лифшицу и «течению», это истина бытия, заговаривающая с человеком на своем собственном языке, это правда истории со всей ее сложностью, со всем драматизмом, это добро и красота. Внимать этому голосу во имя освобождения человечества здесь, на земле, – вот смысл неотделимой от объективной истины ценностной ориентации Мих. Лифшица и людей его круга как советских историков философии. И, как и всякий объективный кристалл мысли, сегодня он еще полнее раскрывается для нас на страницах историко-философских сочинений «течения».

Обращение к творческому наследию Мих. Лифшица и «течения» представляет собой чрезвычайно важный шаг на пути исследования ценностной оценки статуса историка философии в СССР. Раскрывая еще одну грань сложного феномена советской истории философии, оно позволяет не только сформулировать характерные для круга Лифшица ценностные ориентации, оказавшие значительное влияние на всю советскую философию, но и раскрыть другие, даже прямо противоположные явления в советской истории философии. Обращаясь к исследованию ценностной оценки статуса историка философии в СССР, мы в первую очередь ставим перед собой вопрос о том, на что сегодня должна ориентироваться историко-философская работа, чем является то самое антропологическое ее измерение в наши дни.

### Список литературы

1. Арсланов В. Г. Сущее и Ничто. СПб. : Наука, 2015. С. 639.
2. Арсланов В. Г. Теория и история искусствознания. Античность. Средние века. Возрождение. М. : Академ. проект, 2015. С. 436.
3. Арсланов В. Г. Теория и история искусствознания. Просвещение. Ф. Шеллинг и Г. Гегель. М. : Академ. проект, 2015. С. 435.
4. Арсланов В. Г. Теория и история искусствознания. XX век. Духовно-исторический метод. Социология искусства. Иконология. М. : Академ. проект, 2015. С. 275.
5. Арсланов В. Г. Теория и история искусствознания. XX век. Постмодернизм. М. : Академ. проект, 2015. С. 287.
6. Арсланов В. Г. Теория и история искусствознания. XX век. Формальная школа. М. : Академ. проект, 2015. С. 344.
7. Гриб В. Р. Лессинг и его «Лаокоон» // Лессинг Г. Э. «Лаокоон». М. : ИЗОГИЗ, 1933. С. 3–54.



8. Гриб В. Р. Мировоззрение Бальзака // Литературный критик. 1934. № 10. С. 27–73.
9. Драма советской философии. Э. В. Ильенков: (книга-диалог) / сост. В. И. Толстых. М. : ИФРАН, 1997. С. 240.
10. Лифшиц Мих. Ветер истории // Лифшиц Мих. Карл Маркс. Искусство и общественный идеал. М. : Худож. лит., 1979. С. 387–442.
11. Лифшиц Мих. «Горе от ума» Грибоедова // Лифшиц Мих. Очерки русской культуры. М. : Академ. проект, 2015. С. 150–210.
12. Лифшиц Мих. Диалог с Эвальдом Ильенковым. М. : Прогресс-Традиция, 2003. С. 368.
13. Лифшиц Мих. Нравственное значение Октябрьской революции // Лифшиц Мих. Собр. соч. : в 3 т. Т. 3. М. : Изобр. искусство, 1988. С. 230–259.
14. Лифшиц Мих. Чего не надо бояться // Лифшиц Мих. Мифология древняя и современная. М. : Искусство, 1980. С. 556–581.
15. Лифшиц Мих. Человек тридцатых годов // Лифшиц Мих. В мире эстетики. М. : Изобр. искусство, 1985. С. 189–313.
16. Лифшиц Мих. Читая Герцена // Лифшиц Мих. Очерки русской культуры. М. : Академ. проект, 2015. С. 453–506.
17. Лифшиц Мих. Что такое классика? М. : Искусство XXI век, 2004. С. 512.
18. Мареев С. Н. Из истории советской философии. Лукач – Выготский – Ильенков. М. : Культурная революция, 2008. С. 448.
19. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. : в 50 т. Т. 1. М. : Политиздат, 1955. С. 414–429.
20. Спасский Ю. А. Эстетика Дидро // Советское искусство. 1937. № 14. С. 4.
21. Михаил Александрович Лифшиц / под ред. В. Г. Арсланова. М. : РОСПЭН, 2010. С. 463.
22. Мих. Лифшиц и Д. Лукач. Переписка. М. : Grundrisse, 2011. С. 296.

## Soviet historians of philosophy and values of their practice from the perspective of the philosophical and aesthetic "flow" of the 1930s

A. S. Lagurev

post-graduate student of the Institute of Philosophy, St. Petersburg State University. Russia, St. Petersburg.  
ORCID: 0000-0002-8402-0337. E-mail: allag26@mail.ru

**Abstract:** the article is devoted to the study of the value evaluation of the status of a historian of philosophy and historical-philosophical practice in the Soviet philosophical tradition, namely, the analysis of various interpretations of the value characteristics of historical and philosophical work. The appeal to an understanding of the value orientation that has developed in the circle of the philosophical-aesthetic "stream" 1930s makes it possible to take a fresh look at the official and unofficial version of the Soviet history of philosophy and the value of its practice. The characteristics of the specifics of each – both official and unofficial – lines reveal the fundamental differences in the interpretation of the concept of value orientation, rooted in differences in the definition of the concept of value. In the history of Soviet history of philosophy, this discrepancy goes back to the 1930s. Thus, the concept of value in the context of historical and philosophical practice, which the official line followed, formed rather as part of the continuation of theoretical studies of the 1920s, reveals a paradoxical unity with a certain part of the unofficial line, mainly of the sixties philosophers, whose concept was also influenced by the pre-Stalinist history of philosophy, however, developed in collaboration with Western-oriented thought of the second half of the twentieth century. At the same time, another part of the unofficial line, presented by researchers of the philosophical-aesthetic "stream" circle, formed a completely new, original concept of historical and philosophical practice, which has no real analogues in either Soviet or Western thought of that period. Appeal to the study of the value assessment of the status of the historian of philosophy in the USSR through consideration of two polar, opposite orientations, not only allows you to more fully reveal the phenomenon of Soviet history of philosophy, but also try to look at the values of the historical and philosophical work of our time from a different angle.

**Keywords:** history of philosophy, historical and philosophical practice, Soviet philosophy, values, Marxism.

### References

1. Arslanov V. G. *Sushchee i Nichto*. [Being and Nothing]. SPb. Nauka. 2015. P. 639.
2. Arslanov V. G. *Teoriya i istoriya iskusstvoznaniya. Antichnost'. Srednie veka. Vozrozhdenie* [Theory and history of art study. Antiquity. Middle ages. Revival]. M. Academ. project. 2015. P. 436.
3. Arslanov V. G. *Teoriya i istoriya iskusstvoznaniya. Prosvetshchenie. F. Schelling i G. Hegel'* [Theory and history of art study. Enlightenment. F. Schelling and G. Hegel]. M. Academ. project. 2015. P. 435.

4. Arslanov V. G. *Teoriya i istoriya iskusstvoznaniya. XX vek. Duhovnoistoricheskij metod. Sociologiya iskusstva. Ikonologiya* [Theory and history of art study. XX century. Spiritual-historical method. Sociology of art. Iconology]. M. Academ. project. 2015. P. 275.
5. Arslanov V. G. *Teoriya i istoriya iskusstvoznaniya. XX vek. Postmodernizm* [Theory and history of art study. XX century. Postmodernism]. M. Academ. project. 2015. P. 287.
6. Arslanov V. G. *Teoriya i istoriya iskusstvoznaniya. XX vek. Formal'naya shkola* [Theory and history of art study. The twentieth century. Formal school]. M. Academ. project. 2015. P. 344.
7. Grib V. R. *Lessing i ego "Laokoon"*. [Lessing and his "Laocoon" // Lessing G. EH. «Laokoon» [Laocoon]. M. IZOGIZ. 1933. Pp. 3-54.
8. Grib V. R. *Mirovozzrenie Bal'zaka* [The world of Balzac] / *Literaturnyj kritik* – Literary critic. 1934, No. 10, pp. 27-73.
9. *Drama sovetskoj filosofii. EH. V. Il'enkov: (kniga-dialog)* – Drama of Soviet philosophy. E. V. Ilyenkov: (book-dialogue) / comp. V. I. Tolstykh. M. IPHRAS. 1997. P. 240.
10. Lifshic Mih. *Veter istorii* [Wind history] // Lifshic Mih. *Karl Marks. Iskusstvo i obshchestvennyj ideal* [Karl Marx. Art and social ideal]. M. Artist. lit. 1979. Pp. 387-442.
11. Lifshic Mih. «Gore ot uma» Griboedova ["Woe from wit" by Griboyedov] // Lifshic Mih. *Ocherki russkoj kul'tury* [Essays of Russian culture]. M. Academ. project. 2015. Pp. 150-210.
12. Lifshic Mih. *Dialog s EHval'dom Il'enkovym* [Dialogue with the Ewald Ilankovan]. M. Progress-Tradition. 2003. P. 368.
13. Lifshic Mih. *Nravstvennoe znachenie Oktyabr'skoj revolyucii* [Moral significance of the October revolution] // Lifshic Mih. *Sobr. soch.: v 3 t. T. 3* [Coll. works: in 3 vol. Vol. 3]. M. Izobr. Iskusstvo. 1988. Pp. 230-259.
14. Lifshic Mih. *CHego ne nado boyat'sya* [What not to fear] // Lifshic Mih. *Mifologiya drevnyaya i sovremennay* [Mythology ancient and modern]. M. Iskusstvo. 1980. Pp. 556-581.
15. Lifshic Mih. *CHelovek tridcatyh godov* [Man of the thirties] // Lifshic Mih. *V mire ehstetiki* [In the world of aesthetics]. M. Izobr. Iskusstvo. 1985. Pp. 189-313.
16. Lifshic Mih. *CHitaya Gercena* [Reading Herzen] // Lifshic Mih. *Ocherki russkoj kul'tury* [Essays of Russian culture]. M. Academ. project. 2015. Pp. 453-506.
17. Lifshic Mih. *CHto takoe klassika?* [What is classic?] M. Iskusstvo XXI century. 2004. P. 512.
18. Mareev S. N. *Iz istorii sovetskoj filosofii. Lukach – Vygotskij – Il'enkov* [From the history of Soviet philosophy. Lukács – Vygotsky – Ilyenkov]. M. Cultural revolution. 2008. P. 448.
19. Marks K. *K kritike gegelevskoj filosofii prava. Vvedenie* [To the critique of Hegel's philosophy of law. Introduction] // Marks K. i Engels F. *Sobr. soch.: v 50 t. T. 1* [Coll. works: 50 vol. Vol. 1]. M. Politizdat. 1955. Pp. 414-429.
20. Spasskij YU. A. *EHstetika Didro* [Aesthetics of Diderot] // *Sovetskoe iskusstvo* – Soviet art. 1937, No. 14, p. 4.
21. Mikhail Alexandrovich Lifshitz/ ed. by V. G. Arslanov. M. ROSSPEN. 2010. P. 463.
22. Mih. Lifshic i D. Lukach. *Perepiska* – Mich. Lifshitz and D. Lukach. Correspondence. M. Grundrisse. 2011. P. 296